

Вырезка из газеты
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

15
20 ИЮН 40 Газета №
Москва

Одноактный Шоу

С. КРЖИЖАНОВСКИЙ

В старинном романе приключений, написанном Галлем, дана сцена своеобразной дуэли. Противники сходятся — шпага против шпаги — ночью в наглухо закрытом, липяном окне сарае. Свободные руки бойцов тоже вооружены: у одного плащ, у другого — зажженный фонарь. Первый старается ослепить тьмой, второй — бьющим в глаза светом. Последняя задача и стоит всегда перед изумительным фехтовальщиком Бернардом Шоу.

Парадокс по самой своей природе стремится к краткости, к победе с одного удара, в драматургии — к одноактной форме.

Однажды Шоу, после окончания им лекции, спросили: «Как относитесь вы к догмату о непорочном зачатии?», на что последовало краткое: «Все зачатия непорочны». Фонарь одержал победу над плащом.

Все маленькие пьески английского мастера пронизаны весельем. Только одна из них имеет подзаголовок «Трагедия». Но веселье это особого рода. Впрочем, пусть выскажется сам автор.

В последнем полном собрании пьес, выпущенном в Англии, Шоу предваряет читателя: «...Моя профессия, — пишет он, — быть классическим автором комедий, которые «исправляют нравы смехом»; и если иногда я заставляю вас чувствовать себя дураками, то не забудьте, что тем самым я и исцеляю вас от вашей глупости, подобно дантисту, который избавляет пациента от зубной боли, выдергивая ему зуб. И я заявляю, что никогда не делал этого, не прибегая к помощи веселящего газа».

Значительная часть маленьких пьес Шоу является пародиями, карикатурой, сделанной с одного росчерка пера, на ту или иную тему, развернутую им в четырех-или пятиактной комедии.

Так, пьеса в четырех действиях «Человек и сверхчеловек», сама берущая старинную тему о севильском соблазнах, сдвигающая персонажи с привычных мест (Жуан Тенорио — Джон Таннер, Анна — Эни, Статуя Командора — твердокаменный м-р Ремсен), прерывается в третьем акте интермедией (разумеется, одноактной). Этому предшествует встреча на большой дороге Таннера и группы его друзей с шайкой разбойников, преградивших путь их автомобилю:

Мендоза (с достоинством). Я — разбойник: живу тем, что граблю богатых.

Таннер (скромно). Я — джентльмен: живу тем, что граблю бедных. Пожмем друг другу руки.

Надвигается ночь. Разбойники и туристы мирно расположились рядом на отдых, и над ними возникает интермедия — сновидение.

В ней мы снова встречаемся со Статуей Командора, регулярно, ради моднона, совершающей прогулку из рая в ад и обратно; в аду, встретившись со своим убийцей Жуаном, Статуя неизменно затевает спор о

том, кто лучше фехтует, и старчески брюзжит, вспоминая Моцарта, который обидел его, человека, всегда имевшего теоретическую, написав его партию для низкого баса.

Сатана — чрезвычайно корректный, похож скорее на главного врача адского санатория, в котором грешники отдыхают от своих грехов и проходят систематический курс психотерапии.

Однако пародии на пародию мало для Шоу. И он пишет коротенькую пьеску с длинным заглавием: «Страсть, яд и окаменение, или роковой газоген. Краткая трагедия для балаганов и пустых сараев». Жена, муж, предполагаемый любовник. Муж подстерегает его и ее в загородном заброшенном доме. Затаив ревность и разыгрывая любезного хозяина виллы, он предлагает распить втроем, по-дружески, бутылку вина; но в стакан любовника своей жены он подсыпает яду. Несчастному осталось всего лишь несколько минут жизни, о чем его и предупреждает убийца. Однако в стремительном и ярком, как вспышка магния, диалоге выясняется, что жертва мести решительно ни в чем не повинна. Что делать? До города далеко. Телефона в заброшенном доме нет. Тогда перепуганные муж и жена (которую зовут, кстати, леди Магнезия) вспоминают: лучшее противоядие против того отравляющего порошка, от которого несчастному Адольфусу (имя мнимого любовника) предстоит обратиться в прах, это гипс или хотя бы простая известь, действие пор которой нейтрализует яд. Сначала Адольфуса заставляют проглотить кусок известки, обвалившейся с потолка, потом, не найдя ничего для его спасения, разбивают гипсовый бюст леди Магнезии, сделанный знаменитым скульптором. Адольфус проглатывает, запивая сельтерской водой, и часть потолка и гипсовый бюст платонически им обожаемой женщины и постепенно начинает окаменевать. Мраморная бледность покрывает его лицо; прежде чем окончательно превратиться в монумент, он каменеющими губами объявляет последнюю волю: поставить его, в качестве надгробного памятника, над его собственной безвременной могилой.

В «Кандиде», которую Шоу считает лучшей пьесой современности, им сделана одноактная пьеса-автопародия: «Как он лгал ее мужу». Опять те же три персонажа. Опять борьба двух мужчин за любовь женщины. Но в «Кандиде» Морель и Марчбенкс облачают перед избранницей свои сердца и противопоставляют чувству соперника — чувство, логическим доводами опровергающие их мысли. Здесь же соперники попросту сбрасывают с себя пиджаки и приступают к правильному боксу.

Что же касается абсолютной правдивости Марчбенкса, то она в пародийной пьесе как бы вывернута наизнанку и превращена в упрямую, принципиальную, не останавливающуюся ни перед какими жертвами ложь.

Есть у Шоу одна совсем крохотная пьеса, к входу в которую ведет длинный шекспироведческий коридор: «Смуглая леди сонетов». Именно на свидание с этой смуглой леди шекспировских сонетов и отправляется их автор. Дорогу ему перегородил солдат-часовой (место свидания назначено у колоннады дворца). Диалог, из которого выхватываю лишь несколько слов:

Часовой (соглашаясь). Да, вы правы, сэр: слова, слова, слова. Ветер и только, сэр. Мы наполняем, как сказано в писании, наши желудки, сэр, восточным ветром. Этим, пожалуй, не откормишь и каплуна.

Шекспир. Прекрасная каденция. Если вы позволите. (Вынимает записную книжку).

В дальнейшем эта записная книжка превращается в ведущий персонаж пьесы. Она дана как процитированный во вне мозг великого поэта, жадно вбирающий в свои клетки-страницы все тончайшие интонации, словосочетания и игру оттенков мыслей; все это впоследствии разрастается в диалог, а диалоги сочетаются в пьесы.

Несомненно, эта одноактная вещьца — ключ, которым можно открыть многое в сложном творчестве самого Шоу.

В «Проблеске реальности» дан поединок кисти и кинжала — художника Феруччо, создателя портретов, с профессиональным убийцей, получившим свои честно заработанные флорины за удар кинжала. Кисть побеждает кинжал: ведь она создает, наносит на холст подобия людей, кинжал же умеет всего-навсего убивать. И только.

Кратко о кратком. Я лишь назову несколько одноактных пьес Б. Шоу, отбирая наилучшие: «Газетные вырезки», «Музыка-целительница», «Огустус исполняет свой долг», «О'Флагерти».

Последние две вещи объявляют «войну войне» 1914—18 гг. Но общий смысл всех этих одноактовок может легко быть вынесен за скобку: капиталистически-буржуазный мир, — говорит нам автор, — неправильно расставил свои рабочие силы; люди делают то, что хотят от них доллары и фунты стерлингов, но не делают того, чего они сами хотят. Рынок труда — рынок невольников. Все приковано к тому или иному веслу, и галера плывет не туда, куда устремлены мысли.

Огненно-красная борода м-ра Бернарда Шоу, пишет его биограф, с годами поседела и похожа теперь на пламя, раскаленное добела. Через год мы будем отмечать восьмидесятилетие великого комедиографа, человека, мысль которого побывала и в области «Божественной комедии», и среди комедий «балагана и сарае», и на подмостках «театра военных действий».